

Е.А. ТЮГАШЕВ

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОНИМАНИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

***Аннотация:** В статье обоснована идентификация российской цивилизации как кирилло-мефодиевской. Ценностный потенциал кирилло-мефодиевской цивилизации раскрывается в трех аспектах. Во-первых, на уровне интерпретации кирилло-мефодиевской традиции как особого учения, содержащего конкретные идеи и интенции. Во-вторых, на материале житийности Кирилла и Мефодия как урока и примера для подражания. В-третьих, в рамках осмысления комплекса ценностных ориентаций, содержащихся в глаголице и кириллице.*

***Abstract:** The article substantiates the identification of the Russian civilization as the Cyrillic-Methodian civilization. The axiological potential of the Cyrillic-Methodian civilization can be described on three levels. Firstly, interpreting the Cyrillic-Methodian tradition as a special teaching containing specific ideas and intentions. Secondly, based on the material of Cyril and Methodius "life-making" as a lesson and an example to follow. Thirdly, through the lens of understanding the complex of axiological orientations in Glagolitic and Cyrillic scripts.*

***Ключевые слова:** российская цивилизация, Кирилл и Мефодий, Константин Философ, кириллица, кирилло-мефодиевская традиция.*

***Keywords:** Russian civilization, Cyril and Methodius, Constantine the Philosopher, Cyrillic, Cyrillic-methodian tradition.*

***Предисловие.** Россия в качестве самостоятельной цивилизации существует более тысячи лет. Сегодня будущее российской цивилизации, с одной стороны, вызывает озабоченность в связи с прогрессирующими*

Тюгашев Евгений Александрович – доктор философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск). E-mail: filosof10@yandex.ru.

процессами ее вестернизации и варваризации. С другой стороны, в отношении нее декларируется сдержанный оптимизм. Так, геополитический проект русского мира признает положительную ценность российской цивилизации. В любом случае она имеет уникальный формат, который сохраняет ее привлекательность в глобальной рефлексии цивилизаций.

Цивилизационная идентичность России фиксируется по-разному. Для решения задачи ее определения существенно наблюдение В.С. Степина о том, что «в Древней Индии и Китае господствующие философские системы формулировали принципы и нормы жизни, в соответствии с которыми реально воспроизводились основы социального устройства этих древних цивилизаций» [24, 197]. Так и в отношении России представляется возможным выделить фигуру философа, столь же значимого в ее судьбе, как Будда и Конфуций в отношении буддийской и конфуцианской цивилизаций. Это Кирилл (Константин Философ), сотрудничавший со своим братом Мефодием.

Оценивая просветительскую деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии, Е.Е. Шпаковская пишет, что «это был своеобразный дебют, первый выход кириллической цивилизации на историческую сцену» [28, 152]. В основе этой цивилизации, на ее взгляд, лежит конкретная идея — готовность принять любой народ, сохранив его национальную самобытность, его язык, культуру и менталитет, образ жизни [28, 152]. Таким образом, представляется возможным выделить эйдос, воплощенный в цивилизационном проекте Солунских братьев.

В данной связи применительно к России заслуживает внимания концепт кирилло-мефодиевской (кириллической) цивилизации. Обычно к нему прибегают, характеризуя цивилизационную значимость разработки славянской письменности, глаголицы и кириллицы. Так, К.П. Победоносцев подчеркивал: «Действительно, нельзя не признать, что семя всей нашей исторической культуры заложено в азбуке, изобретенной Кириллом и Мефодием, и в книгах, ими переложенных на славянский язык и донныне составляющих драгоценное достояние духа народного в России» [19, 412].

Цель статьи заключается в выявлении тех принципов и норм жизни, которые позволяют идентифицировать российскую цивилизацию как кирилло-мефодиевскую. Оговоримся, что круг стран, включаемых в кирилло-мефодиевскую цивилизацию, значительно шире. Кириллица является официальным алфавитом в Болгарии, Македонии, Монголии, Сербии, Черногории. По оценке Л.Б. Карпенко, «объединяет народы этих стран сегодня в единый цивилизационный тип именно сама кириллица, которая воспринимается как традиционная ценностная система, как семиотика определенной культурной парадигмы» [11, 174].

Кроме того, кирилло-мефодиевская традиция, выражающаяся в почитании святых Кирилла и Мефодия, влиятельна в Греции, Польше, Словакии, Хорватии и Чехии. Это почитание объясняется признанием заслуг просветителей славян католической церковью. Разумеется, из-за вестернизации и латинизации эти страны находятся на периферии кирилло-мефодиевской цивилизации. Россия же остается ее центральным государством. Как представляется, определенная размытая целостность кирилло-мефодиевской цивилизации действительно существует благодаря общности ценностных ориентаций. «В начале XXI в. именно кирилло-мефодиевская традиция позволяет сочетать общее и национальное, религиозно-церковное и государственное начала в идеологии славянских стран, в том числе новых государств, возникших после распада системы социализма» — отмечает Г.П. Мельников [15, 18].

Сохранение и общественное признание кирилло-мефодиевской традиции в целом ряде стран дает основание предполагать, что за ней сохраняется позитивный потенциал. Важно его актуализировать и, по возможности, целенаправленно, методично использовать в повседневной деятельности как стандарт цивилизованности.

Попытки выявить ценностный потенциал кирилло-мефодиевской цивилизации предпринимаются на трех уровнях.

Во-первых, это интерпретация кирилло-мефодиевской традиции как особого учения, содержащего конкретные идеи и интенции [16, 79].

Во-вторых, это исследование житнетворчества Кирилла и Мефодия как урока и примера для подражания [3, 9].

В-третьих, это осмысление комплекса ценностных ориентаций, зафиксированных в глаголице и кириллице [11, 176].

Учение Кирилла и Мефодия. Остановимся, прежде всего, на содержательной интерпретации кирилло-мефодиевской традиции. С.В. Перевезенцев обращает внимание на ее миролюбие, стремление к примирению, в частности разных христианских общин [16, 79]. Подтверждая, что Кирилл и Мефодий «строили мосты христианского единства там, где мир их эпохи копал пропасти разделений», архимандрит Платон (Игумнов) подчеркивает, что, кроме того, они «стремились угасить политические несогласия и раздоры своего времени» [18, 183].

Говоря о миролюбии Солунских Братьев, М.Ю. Шишин оценивает их зарубежные поездки как специальные миротворческие миссии. По его мнению, Кирилл и Мефодий «заложили в славянском мировоззрении миролюбие как ключевую черту» [27, 103]. По-видимому, это не совсем так. Славяне в целом были сравнительно миролюбивы, о чем писал еще И.Г. Гердер [4, 470-471]. В этом отношении наблюдалось совпадение цен-

ностных ориентаций. Интересно, что мягкое, невоинственное отношение к язычеству раннего русского христианства В.В. Мильков объясняет влиянием кирилло-мефодиевской традиции [7, 267], хотя лично Константин Философ был непримирим к языческим культам.

По оценке С.В. Перевезенцева, кирилло-мефодиевская традиция учитывала своеобразие славянского мировосприятия, его коренные устои [16, 79]. Он справедливо полагает, что оно было светлым и оптимистичным. Такое восприятие сочеталось как с характерными эстетическими особенностями византийского христианства, так и с его этическим убеждением, что посмертного спасения достойны все народы, принявшие крещение. Кроме того, территориальной славянской общине, в отличие от кровно-родственной германской, в организационном плане была чужда идея навязываемой «сверху» иерархии [16, 52-53]. Последователи Кирилла и Мефодия полагали, что епископы, согласно древнеапостольским принципам, должны не назначаться сверху, а избираться.

Восстанием против принципа иерархии, представленного тогда в христианстве догматом трехязычия, стало изобретение славянской азбуки. Защищая ее, Константин Философ провозглашал равенство языков и народов: «Не идет ли дождь от бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими?» [23, 89]. Практически все исследователи подчеркивают универсальную значимость данной судьбоносной идеи, поддержанной окончательно II Ватиканским собором в 1963 году.

Национальная терпимость, как отмечает А.А. Алексеев, была присуща византийской цивилизации [1, 198]. Доктринально она легитимировалась христианством и совпадала с практикой мирного межэтнического сосуществования в условиях славянской территориальной общины. Кирилло-мефодиевская традиция закрепила данную ценность, которая стала одним из цивилизационных устоев России.

В приведенной выше констатации Константина Философа звучит неприятие блокирования коммуникации между людьми. Славяне же тянулись к коммуникации, стремились понять новую религию. «Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер» – приводил, согласно «Пространному житию», библейский довод Константин Философ [25, 197].

На мой взгляд, для интерпретации данной ситуации представляет интерес предложенный Ю.М. Резником концепт межчеловечности [21]. Нам, россиянам, удивительно, почему народы и племена на Западе не стремились понять других людей, их веру, оставляя это дело клирикам.

Разумеется, и нам внятно не все, но понять других хотелось бы. Поэтому призыв мораван создать славянскую письменность является выражением потребности в межчеловеческом понимании.

Важно не только то, что Константин Философ и его сподвижники живо откликнулись на этот призыв. А. Тахиаос обращает внимание на тщательный и бережный отбор переводимой литературы. Подбирались, прежде всего, сочинения христианских писателей, обладавших непререкаемым авторитетом и получивших вселенское признание. Для славян, как подчеркивает А. Тахиаос, этот путь был безопаснейшим, поскольку «они совсем не чувствовали себя уверенно в умственных областях, не пройдя строгой школы ума, которой отличалась Византия» [25, 197]. Такая политика перевода демонстрирует взаимность в проявлении межчеловечности.

Жизнетворчество. Вторым уровнем, на котором выявляется ценностный потенциал кирилло-мефодиевской цивилизации, является исследование житнетворчества Кирилла и Мефодия.

Соответствующая установка была зафиксирована в известном определении философии, данном Константином Философом: «Знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к богу, который учит человека делами (своими) быть по образу и по подобию сотворившего его» [23, 73]. В этом определении фактически приведена максима «Делай, как я». В России она признается цивилизационной нормой, которой в качестве антиценности обычно противопоставляется правило «Делай, как я говорю». Так, например, в одном из интервью Г. Греф констатировал, что деловой принцип «Делай, как я говорю» больше не работает, а работает принцип «Делай, как я» [6]. В этом отношении культурная норма российской цивилизации альтернативна «палубному принципу» действия по слову [17, 92], сформированному, как предполагалось, в пиратских истоках западной цивилизации.

Хотя по христианскому учению в начале было слово, оно же было воплощено в деле – в труде сотворения мира. Христианская ценность труда совпадала с трудолюбием славян. Их отличал принцип единства слова и дела. По наблюдению Д.С. Лихачева, если Франциск Ассизский проповедовал бродяжничество и нищету монахов, то Сергей Радонежский учил монахов добывать хлеб своим трудом, и всю крестьянскую работу делал сам. Поскольку таких примеров среди русских святых много, то Д.С. Лихачев полагал возможным заключить: «Христианский идеал приобретал в России существенную добродетель – трудолюбие, заботу о богатстве всего коллектива...» [13, 62].

Возможность следования примеру учителей продемонстрировал Климент Охридский. В его «Пространном Житии» говорится: «Образцом сво-

ей жизни Климент сделал великого Мефодия. Он стремился к тому и молился о том, чтобы не отклониться от цели в своем следовании ему. Взяв за основу собственного поведения его жизнь и деяния, словно некую картину, написанную живописцем, сведущим в искусстве, он усердно рисовал самого себя по его образцу» [26, 200-201]. Согласно «Житию», он продолжил «Дело», и, будучи склонен к учительству, стал вседневно обучать божественному Писанию.

В этом свидетельстве выделим два принципиально важных мотива.

Во-первых, это *мотив общего дела*. Он присутствует и в словах Кирилла сказанных Мефодию перед смертью: «Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну борозду, и я на поле падаю, окончив день свой» [23, 97].

Думается, мотив общего дела присутствует в мобильности Кирилла и Мефодия. М.П. Погодин описывал ее так: «В самой жизни Св. Кирилла и Мефодия мы не видим греческих признаков: Греков тянуло всегда домой, а Св. Кирилл и Мефодий представляют как бы родовую славянскую особенность, путешествуя непрерывно — в Константинополь, к Козарам, к Аравитянам, к Болгарам, к Моравлянам, в Рим. Они не вспоминают ни при каком случае о своем мнимом отечестве; не вступают ни в какие сношения, и не имеют при себе никого из своих соотечественников. Кирилл кончает жизнь свою в Риме, Мефодий в Велеграде. Спутники их и ученики пишут по-славянски, а не по-гречески, и подвергавшиеся гонениям ищут себе убежища не в Греции, а между Славянами» [20, 99].

Данная характеристика позволяет отнести Кирилла и Мефодия к представителям магистральной (а именно — понтийской) культуры, связывающей локальные культуры в цивилизацию. Правда, предложивший различие этих типов культур А.В. Головнев в целом относит славян к локальной культуре [5]. Но для российской цивилизации в целом локализация по принципу «Мой адрес не дом и не улица...» была важной ценностью.

Во-вторых, это *мотив полной самоотдачи*, реализации своих способностей в любимом деле. Так, в отношении епископства Мефодия в Моравии (после смерти Кирилла) в «Пространном житии Климента Охридского» сообщается следующее: «Превосходя всех в учительстве, он не стал зарывать свой талант в землю, не стал скрывать благодать духовного дара и не сделал власть началом роскоши, но со всеми делился благом» [26, 171]. Это модель специфической экономической сверхэффективности, основанной на использовании человеческого потенциала.

Внешне эта модель проявлялась в скором, сверхбыстром решении насущных задач. В агиографии приводится немало таких примеров. Во время недолгого пребывания в Херсоне, Кирилл выучил древнееврейс-

кий и сирийский языки, «русские письмена». За 40 дней составил азбуку, и вскоре перевел с греческого языка на славянский весь церковный чин. Мефодий при помощи двух учеников – попов скорописцев – за восемь месяцев перевел все библейские книги.

Такого рода быстрота воспринималась позитивно. И она соотносится с традиционным для российской цивилизации принципом «быстрых побед». Конкретные инновации нужны только тогда, когда «загорелось», поскольку пока душа «горит» и новинка в моде, ее внедрение идет на «ура!». По принципу кампанейщины «скорей, скорей» предпочтительнее «короткие» инновации, эффект от которых зрим уже в среднесрочный период. Так, за три года Кирилл и Мефодий практически полностью заложили основы славянской книжности.

Жития объясняют эти и другие чудотворения синергией, содействием бога. Многие исследователи высказывали предположение о том, что «быстрые победы» были хорошо подготовлены и многое в действительности было сделано раньше. Интересно в связи с этим замечание С.А. Лишаева о формировании в России философской культуры как бы «про запас», с вхождением в русский язык через византийско-болгарское влияние философской терминологии прежде, чем возникла экзистенциально мотивированная потребность к самостоятельной постановке философских вопросов [14, 113]. Формирование такого запаса, или, точнее, заблаговременное накопление ресурсов является предпосылкой различных чудотворений. Такая черта составляет характерную черту российской цивилизации, унаследованную как из хозяйственной культуры славян, селившихся в зоне рискованного земледелия, так и из кирилло-мефодиевской традиции.

Ценностные ориентации кирилло-мефодиевской цивилизации. Следующим уровнем выявления и актуализации потенциала кирилло-мефодиевской цивилизации является осмысление комплекса ценностных ориентаций, зафиксированных в глаголице и кириллице.

А.В. Иванов в славянской азбуке видит прасимволическую систему (матрицу культуры). «За начертаниями (графемами), звучанием (фонемами), смыслами (семемами) и числовыми значениями букв церковнославянской азбуки, за последовательностью их ритмического развертывания и структурными взаимоотношениями, – пишет он, – пульсирует иная, нежели субъективно-человеческая, смысловая реальность, приоткрывающая завесы над тайнами рождения и развертывания как Космоса, так и индивидуальной человеческой души» [9, 546].

Того же мнения придерживается Л.Б. Карпенко. Глаголицу и кириллицу она рассматривает в качестве полюса сосредоточения христианских ценностей добродетельного образа жизни: «Азбука – начальная симво-

лическая матрица — акцентирует идею полноты и разнообразия мира, приоритет духовных ценностей над мирскими, материальными, утверждает нравственные нормы “правой веры”, принцип “твори добро” как основу благоденствия человечества» [10, 39]. Действительно, азбука воспринимается как дидактический нравоучительный текст, утверждающий ценности знания, добра, жизни, человечности и твердости.

Примером *делания добра* является следующая практика Климента Охридского, описанная в его «Пространном житии»: «По всей болгарской стране цвели дикие деревья, не приносившие плодов, — Климент же даровал и это благо, а именно привез из греческой страны всякие виды культурных деревьев и путем прививок облагородил дикие растения, с тем, как я думаю, чтобы и таким способом воспитать человеческие души, дабы они усваивали соки доброты...» [26, 203]. Как сообщает дальше автор «Пространного жития», Климент заботился о многих — «дабы они спаслись» [26, 203].

Возвышенный характер устремлений в кирилло-мефодиевской традиции проявился в содержании переводимой литературы. А. Тахиаос обращает внимание, что славяне избирали для перевода прежде всего классические святоотеческие сочинения. По его мнению, это свидетельствует об «устремление души к вышнему; благодаря глубокому усвоению их содержания можно было приуготовить и образовать себя для дальнейшего восхождения к высочайшим духовным вершинам» [25, 195]. Заметим, что данная установка прослеживается в замысле Л.С. Выготского по разработке «вершинной» психологии. По данной ориентации культурно-историческая психология противопоставлялась другим традициям — «поверхностной» и «глубинной» психологиям, представленным на Западе.

П. Лавровский подметил ещё одну нравственную особенность кирилло-мефодиевской традиции по сравнению с Западом. Ее можно определить как твердость, или как неизменную верность. «В отношении пап к Кириллу и особенно к Мефодию, при жизни их, невольно поражает изумительная нерешительность и шаткость во взгляде и непоследовательность в распоряжениях: то признаются святые братья правоверными, то отчисляются в разряд людей подозрительных; учение и богослужение их то разрешается, то запрещается; такое непостоянство и нетвердость не стесняют пап даже и в том случае, когда их решения противоречить собственным же их распоряжениям», — писал П. Лавровский [12, 581]. Объясняя такое поведение чисто конъюнктурными соображениями, П. Лавровский подчеркивал неизменную верность Кирилла и Мефодия учению и обрядам восточной церкви, непреклонно отстаивавшимся против отступлений и уклонений [12, 581]. Данная нравственная черта всегда ценилась в российской цивилизации.

Отметим также, что изобретенная азбука имела цифровую интерпретацию, что позволяет рассматривать ее как математическую модель, используемую в древнерусской науке [22]. Табличный формат азбуки стал, по-видимому, паттерном не просто табличной модели, но также периодической модели научного мышления, эффективность которого ярко продемонстрирована не только в неорганической химии, но и в минералогии, ботанике, гистологии и в других отраслях российской науки.

Заключение. Таким образом, по комплексу ценностных ориентаций российская цивилизация может быть позиционирована как кирилло-мефодиевская. Эти ценности самобытны и актуализированы еще не в полной мере. Поэтому у России есть позитивный цивилизационный потенциал и образ будущего. Продвигаясь вперед, важно обращаться, на мой взгляд, к широко понимаемой кирилло-мефодиевской традиции.

Приходится учитывать, что наряду с ней в российской цивилизации существовали и другие культурные традиции, например, киево-печерская традиция, не принимавшая «приземленный, нравственно-деятельный житейский практицизм» [7, 132] кирилло-мефодиевской традиции. По-видимому, не случайно древнерусские книжники хотя и следовали кирилло-мефодиевской традиции, но внешне дистанцировались от нее [2, 74]. Следовательно, необходимо дифференцировать конкурирующие на всем протяжении истории российской цивилизации культурные традиции и трезво оценивать их конструктивный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.А.* Кирилло-мефодиевское наследие и русский культурный код // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (111). – С. 197-201.
2. *Василик В.В.* Служба св. равноапостольному князю Владимиру и кирилло-мефодиевская традиция // Петербургские славянские и балканские исследования. – 2013. – № 2. – С. 67-77.
3. *Владимир (Иким), митрополит Омский и Таврический.* Уроки святых равноапостольных Кирилла и Мефодия // Вестник омской православной духовной семинарии № 1. – 2017. – Вып. 2. – С. 8-15.
4. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
5. *Головнёв А.В.* Локальные и магистральные культуры Северной Евразии // Человек и Север антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции. – Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 2012. – С. 234-237.
6. *Греф Г.* Русский стиль менеджмента неэффективен, но результативен // Harvard Business Review Россия. – 2016. – 16 янв. // <https://hbr-russia.ru/liderstvo/psikhologiya/a17082>.
7. *Громов М.Н., Мильков В.В.* Идеиные течения древнерусской мысли. – СПб.: РХГИ, 2001. – 960 с.
8. *Джурова А.* Послания кириллицы. – София: Гос. ин-т культуры МВД Болгарии, 2008. – 28 с.

9. *Иванов А.В.* Сознание России: земные корни и космические перспективы // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. — 2007. — Т. 1. — С. 534-550.
10. *Карпенко Л.Б.* Плаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — М.: Изд-во РАГС, 2009. — С. 16-39.
11. *Карпенко Л.Б.* Кириллица в цивилизационном аспекте // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». — 2009. — № 2 (6). — С. 172-177.
12. *Лавровский П.* Кирилл и Мефодий, как православные проповедники у западных славян, в связи с современной им историей церковных несогласий между Востоком и Западом. — Харьков: В Унив. тип., 1863. — VII, 588 с.
13. *Лихачев Д.С.* Русская культура. — М.: Искусство, 2000. — 440 с.
14. *Лишаев С.А.* Метаморфозы слова. — СПб.: Алетейя, 2011. — 232 с.
15. *Мельников Г.П.* Актуальность кирилло-мефодиевской и средневековой тематики в современной Центрально-Восточной Европе // Славянский альманах: 2014. [Вып.] 1-2. — М.: Издательство «Индрик», 2014. — С. 12-21.
16. *Перевезенцев С.В.* Тайны русской веры. От язычества к империи. — М.: Вече, 2001. — 432 с.
17. *Петров М.К.* Античная культура. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — 352 с.
18. *Платон (Игуменов), архим.* Апостольская миссия святых Кирилла и Мефодия в парадигме цивилизационного культурно-исторического процесса // Богословский вестник. — 2019. Т. 34. — № 3. — С. 173-192.
19. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. — М.: Русская книга, 1993. — 640 с.
20. *Погодин М.П.* Речь произнесенная в заседании московского общества любителей российской словесности 11 мая 1863 года, в память о св. Кирилле и Мефодии // Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Московского общества любителей русской словесности М. Погодиным. — М.: Синодальная типография, 1865. — С. 81-144.
21. *Резник Ю.М.* Новая гражданская общественность России как социально-этический проект межчеловечности // Вестник Российского философского общества. — 2019. — Вып. 1-2 (89-90). — С. 21-30.
22. *Симонов Р.А.* Кириллическая числовая система: новые данные // Кириллица: от возникновения до наших дней. — СПб.: Алетейя, 2011. — С. 98-109.
23. Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. В.Д. Королюк. — М.: Наука, 1981. — 200 с.
24. *Стёпин В.С.* Философия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М.: Мысль, 2010. — Т. IV. — С. 195-200.
25. *Тахиаос А.* Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. — Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. — 391 с.
26. *Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А.* Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. — СПб.: Алетейя, 2000. — 314 с.
27. *Шишин М.Ю.* Кирилло-мефодиевская традиция как один из ключевых элементов евразийской доктрины // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. — Барнаул: Алтайский государственный университет, 2014. — С. 97-104.
28. *Шпаковская Е.Е.* Наследие Кирилла и Мефодия как философское послание потомкам // Дискурс-ПИ. — 2014. — № 4. — С. 151-155.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.